

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. Л. ШУКУРОВ

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВАНГАРД И ПСИХОАНАЛИЗ

в контексте интеллектуальной культуры
Серебряного века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1.0

ББК 83

Ш 95

*Исследование выполнено в рамках научного проекта
«Русский литературный авангард и психоанализ
в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века»,
поддержанного грантом Президента РФ на 2012—2013 гг.
для молодых российских ученых — докторов наук (МД-420.2012.6)*

Р е ц е н з е н т ы:

д. филол. н., проф., ведущ. науч. сотрудник Отдела русской
литературы конца XIX — начала XX вв. Института мировой
литературы им. А. М. Горького РАН И. С. Приходько,

д. филол. н., гл. ред. Информационного издания
«Вестник гуманитарной науки» Российского государственного
гуманитарного университета Ю. Б. Орлицкий

Шукуров Д. Л.

Ш 95 Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века: Монография. — М.: Языки славянской культуры, Рукописные памятники Древней Руси, 2014. — 224 с.

ISBN 978-5-9551-0718-9

В книге исследуется влияние психоаналитического дискурса на процесс трансформации художественного языка и формирование поэтики деструктивности в русской авангардной литературе первой трети XX века.

Монография адресована филологам и всем интересующимся историей русского литературного авангарда.

ББК 83

*В оформлении переплета использован фотоколлаж А. Григорьева
«Параллельные миры N 2» (1995)*

ISBN 978-5-9551-0718-9

© Д. Л. Шукуров, 2014

© Рукописные памятники Древней Руси, 2014

*Моим дорогим наставникам,
Ие Ивановне Анисимовой
и Валерию Петровичу Ракову*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
1. Психоаналитический подход в литературоведении и культурологии	20
1.1. Формирование проблематики	20
1.2. Современные исследования	38
2. Серебряный век в истории отечественного психоанализа	49
3. Звук и образ: преодоление автоматизмов	62
3.1. В. Б. Шкловский	62
3.2. В. Г. Шершеневич	80
4. Психоанализ и русский литературный авангард	104
4.1. Поэтика ошибки	104
4.2. Классический фрейдизм и теория интертекстуальности: круг М. М. Бахтина	119
5. Диссоциативная авторская личность	143
5.1. Группа ОБЭРИУ	143
5.2. Психоаналитический дискурс Ж. Лакана	165
6. Авангард, психоанализ и современный креатив	175
Заключение	200
Библиография	204

ВВЕДЕНИЕ

Русский литературный авангард при специфичности своих истоков и эволюции исторически отмечен структурно-диахронической конвергенцией с психоанализом, но теоретические и историко-культурные контексты эстетической рецепции психоаналитических идей в дискурсе отечественной авангардной литературы до сей поры остаются не прояснёнными и малоизученными.

В трудах весьма немногочисленного круга авторов положено начало исследованию распространения идей З. Фрейда (1856—1939) в контексте русской культуры XX века. Российские и зарубежные учёные А. М. Эткинд [261—264], В. И. Овчаренко [158—163], В. М. Лейбин [125—131], А. И. Белкин [22; 23], А. В. Литвинов [134; 135], Д. С. Рождественский [187], М. А. Miller [310; 311], М. Ljunggren [307], D. Young [326], G. A. Pollock [314], H. Scott [318], A. Kozulin [303], L. Chertok [279], F. Choate [280] в своих работах реконструируют историю психоанализа в России, рассматривают важные контексты влияния психоаналитических идей в интеллектуальной парадигме Серебряного века. Отечественная гуманитарная наука всё чаще обращается к забытым страницам интеллектуальной истории России первых десятилетий XX века. Одним из актуальных аспектов исследований становится история российского психоанализа.

Наша работа нацелена на изучение наиболее близкой психоанализу с эстетической, методологической, культурологической точек зрения части русской литературы — авангарду. В этом ракурсе вопрос практически не затрагивался.

Среди современных исследований темы можно выделить спорный и неоднозначный, но значительный и опережающий время труд И. П. Смирнова «Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней» (1994) [203], в одной из частей которого дан репрезентативный анализ психотипических особенностей ряда авторов русской авангардной литературы.

Однако для нас важна принципиально иная задача — мы не изучаем психотипы русских авангардистов и тем более не ставим «диагноз» авангардной эпохе. Мы исследуем, во-первых, фактические контексты непосредственного или опосредованного восприятия идей Зигмунда Фрейда в авангардном творчестве и, во-вторых, имманентные литературным произведениям русских авангардистов психоаналитические конструкты (такие как *диссоциация*, *онейрическая реальность*, *свободные ассоциации*, *афазии* и т. п.) и их влияние на развитие литературного дискурса.

Мы рассматриваем влияние фрейдизма на творчество русских футуристов в 1910-е годы, в частности, на формирование оригинальной поэтики *ошибки* (или иначе — *поэтики деструктивности*) кубофутуристов и группы заумников «41°». Не меньший исследовательский интерес вызывает интерференция дискурсов психоанализа и русской авангардной литературы в 1920-е годы — время, когда психоанализ приобретал в России институциональные формы.

Искусство авангарда первой половины XX века проявляло особое внимание к психоанализу. Многие западноевропейские и отечественные авангардисты живо интересовались фрейдистскими идеями, ярко и оригинально их использовали в своём экспериментальном творчестве. Представляется вполне уместным исследовательское рассмотрение самого фрейдизма в качестве важной составляющей авангардной культуры, так как психоаналитический дискурс формировался в контексте радикального поворота в осмыслении человеческой психики и смены традиционной парадигмы восприятия искусства и литературы.

Так, в контексте западного авангарда психоанализ был воспринят как своего рода верифицирующая экспериментальные художественные поиски модель. Самые разные художники-новаторы — Андре Бретон, Сальвадор Дали, Франц Кафка, Марсель Пруст, Джеймс Джойс, Самюэль Беккет и многие другие — искали не столько теоретической поддержки психоанализа, сколько эвристического подтверждения и научного обоснования уже существующих творческих идей, одновременно находя питательную почву креативности в таинственной области бессознательного, открытой и описанной Зигмундом Фрейдом.

Безусловно, многие представители искусства не могли знать глубоко фрейдистское учение, однако сама атмосфера научно-теорети-

ческих дискуссий, проходивших вокруг психоанализа на протяжении всей первой половины XX столетия в самых широких интеллектуальных кругах, влияла даже на неосознаваемом уровне на творчество выдающихся мастеров искусства авангарда:

Крупнейшие представители авангарда..., — отмечает В. В. Бычков, — часто вполне сознательно обращались к сфере бессознательного, стремясь именно её вождления, интенции, образы довести тем или иным способом до прямого, обходящего контроль «цензуры» предсознания (Я), воплощения в своих произведениях. Дадаизм, отчасти экспрессионизм, сюрреализм, театр абсурда, литература «потока сознания», динамический абстракционизм, абстрактный экспрессионизм, поп-арт, живопись действия, многие феномены постмодернизма, почти все крупнейшие личности в изобразительном искусстве (Клее, Шагал, Пикассо, Дали, Миро и др.), писатели (Кафка, Джойс, Т. Манн, Гарсиа Маркес и др.) и кинорежиссеры (Бергман, Феллини, Антониони, Бертолуччи, Гринуэй и др.) XX в. чаще сознательно (иногда бессознательно) творчески трансформировали идеи фрейдизма в своем искусстве и нередко делали на них достаточно сильные акценты. Далеко не всегда эта акцептация была корректной и органичной [132, с. 469].

Известно, что западноевропейские дадаисты и сюрреалисты активно использовали в своём творчестве приём автоматического письма, который появился в результате увлечённого изучения обширной психологической традиции, восходящей к концепциям французского психолога Т. Рибо (1839—1916) и американского философа и психолога У. Джеймса (1842—1910) (теория «автоматического письма»), теориям французского психиатра Г.-Г. Клерамбо (1872—1934) и российского психиатра В. Х. Кандинского (1849—1889) (концепция «психического автоматизма»), психоаналитическим техникам К.-Г. Юнга (1875—1961) и З. Фрейда (1856—1939) («метод свободных ассоциаций») (об этих теориях см. работу И. Е. Сироткиной [199]). Сюрреалистическое «автоматическое письмо» в большей степени было сходно по своим принципам психоаналитическому методу свободных ассоциаций, выражаясь в спонтанном когнитивном акте, неконтролируемом «цензурой» рационального сознания. Подобный художественный метод, воплощающий в себе спонтанность и контингентность творческой стихии, получил широкое распространение в авангардном искусстве самых разных течений:

В самых продвинутых современных арт-практиках любой жест художника воспринимается как художественно значимый, ибо у его носителя он является транслятором какой-либо бессознательной интенции [132, с. 469].

В России, как и за рубежом, психоаналитическая теория З. Фрейда привлекла внимание не только представителей врачебных кругов (В. П. Сербский, И. Д. Ермаков, Н. Е. Осипов, Ю. В. Каннабих и др.), но и — в силу философской и культурно-исторической перспективы психоанализа — многочисленных деятелей культурного сообщества, в том числе — авангардистов.

Мы уже имели возможность отметить специфичность художественно-эстетических стратегий русского футуризма в сравнении с художественными установками и эстетической платформой итальянского футуризма, обусловившего популярность этого течения в Европе [256]. Русский футуризм вступил в парадоксальное противоречие с концептуальным содержанием в названии течения (от лат. *futurum* — будущее), выражающим темпоральную устремлённость авангардистского мировоззрения вперёд по вектору времени и эстетическую нацеленность художественных принципов экспериментального искусства на будущее, чреватое радикальной трансформацией культуры как таковой. Эстетика русского футуризма, поддерживая характер новаторских устремлений, тем не менее в ряде своих версий уходила корнями в архаическое прошлое культуры. Будетляне вдохновлялись феноменами первобытного и этнического искусства, художественным примитивом, а также черпали творческие идеи из области наивного и детского творчества, творчества умалишённых, что сближало русский авангард с психоанализом, также обращавшимся к изучению феноменов архаических культур, детской психики и человеческого безумия (см. на эту тему работу современника футуристов Е. П. Радина «Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов», опубликованную в 1914 г. [176]). Эксперименты русских футуристов и заумников в этом плане вполне сопоставимы с творчеством западноевропейских дадаистов и сюрреалистов. К слову сказать, о творческих контактах сюрреалистов с русскими авангардистами писал Ж.-Ф. Жаккар в фундаментальном исследовании по истории русского авангарда [76]. Известный историк футуристического движения В. Ф. Марков отмечал сходства текстов

русских футуристов (А. Е. Кручёных, И. В. Игнатъев) и произведений сюрреалистов, созданных по принципу «автоматического письма» [144]. А в предисловии к книге заумной поэзии русского авангардиста И. М. Зданевича известный французский дадаист Жорж Рибемон-Дэссень отмечал, что заумь можно рассматривать как «форму русского литературного дадаизма» («La forme russe du dadaism litteraire») [317]). Дадаизм был достаточно хорошо известен русской критике и читательской аудитории в 1920-е годы благодаря ряду состоявшихся публикаций (Г. К. Баммель [12], В. М. Фриче [233], А. М. Эфрос [265], Р. О. Якобсон [270]). Теме восприятия дадаизма в России была посвящена работа Б. Горелого [59] (причём автор особо подчёркивает отличия школ русской зауми и европейского дадаизма). (См. об этом также сборник научных трудов «Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре», подготовленный Л. Магоротто (1991) [81].)

Возврат к архаике и апелляция к наивному творческому акту обуславливали освобождение нового искусства — искусства будущего — от сковывающих и тормозящих его развитие жанрово-стилевой догматики и риторизма классического дискурса. Спонтанность и непредсказуемость творчества, свобода художественных ассоциаций и немотивированность создания образов, неосознаваемые действия художника и его безотчётные поступки, воспринимаемые как наиболее аутентичный творческий акт, — такова манифестируемая русскими футуристами программа авангардного искусства, имеющая много общего с идеями психоаналитического дискурса.

Представляется, что названная нами выше специфичность русского футуризма, принципиально расширившего контексты восприятия творчества, характеризует отечественную авангардную литературу в целом и сближает её с психоанализом как радикальной дискурсивной практикой XX века.

Таким образом, *объектом* теоретического и историко-литературного рассмотрения в нашей работе становится *интерференция* авангардного и психоаналитического дискурсов в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века, в частности, рецепция психоаналитических идей и конструкторов (*диссоциация, онейрическая реальность, свободные ассоциации, афазии* и др.) в литературе русского авангарда первой трети XX века.

В представленной вниманию читателя монографии изложены результаты исследования как самых ранних эпизодов взаимодействия

авангардной литературы и психоанализа (до 1920-х гг.), так и периода, когда психоанализ приобретал в России институциональные формы (1920-е гг.). Наша работа не претендует на исчерпанность проблематики, так как намеченные в ней концептуальные выводы выступают в качестве эвристических идей, требующих отдельного фактографического изучения.

Тем не менее, кроме теоретического и прикладного ракурсов анализа, в нашем исследовании присутствуют и достаточные историко-литературные обоснования, а также фактографические данные. И то, и другое подтверждает продуктивность научного замысла исследовательского сопоставления поэтики русского авангарда и психоанализа.

Следует отметить, что с одной стороны очевидный, а с другой — неожиданный ракурс теоретического анализа отличается принципиальной *новизной*, так как в современной гуманитарной науке данный контекст остаётся практически не изученным.

Помимо названного обстоятельства укажем и ещё на одну существующую в гуманитарной науке лагуну, восполнение которой было начато в современных исследованиях, но отнюдь не завершено сегодня, — это история рецепции психоанализа в русской культуре Серебряного века. Некоторые исследовательские работы по этой теме принадлежат как отечественным, так и зарубежным учёным (см., например, уже упоминавшиеся нами выше труды). Тем не менее многие аспекты данной проблематики остаются только в самом начале серьёзного научного рассмотрения.

В трудах зарубежных учёных сложилась солидная исследовательская база в области изучения взаимосвязей западноевропейской авангардной традиции и фрейдистского учения. Однако в современной гуманитарной науке (как отечественной, так и зарубежной) остаётся практически незатронутым *вопрос о восприятии психоанализа литературой русского авангарда*.

Таким образом, необходимо проведение междисциплинарного научного исследования проблематики, связанной с историей взаимодействия авангардной литературы и психоанализа в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века.

Следует отметить важность и *актуальность* данной темы для развития междисциплинарного гуманитарного знания, так как проведение исследования планируется на стыке двух областей — литературоведения и психоанализа. Такая интерференция научных дискур-

сов представляет особый интерес, поскольку связана конкретно как с историей и теорией русского литературного авангарда, так и с историей и теорией психоанализа в России. Основанием для научного сближения служит революционный характер и авангарда, и психоанализа.

Цель научной работы — формирование концептуально-теоретической модели, направленной на синтетическое осмысление опыта взаимодействия русской авангардной литературы и психоанализа в контексте отечественной интеллектуальной культуры Серебряного века.

Задачи научного исследования:

1) рассмотреть влияние психоанализа на эстетику и поэтику авангардных направлений русской литературы первой трети XX века;

2) обосновать концептуальную общность психоаналитических принципов и ряда экспериментальных художественных практик русских авангардистов;

3) проанализировать фактический материал, свидетельствующий о творческой увлечённости фрейдизмом представителей русского литературного авангарда;

4) рассмотреть формирование авангардной *поэтики ошибки* в контексте психоаналитических приёмов, техник и принципов (метод свободных ассоциаций, принципы толкования ошибочных действий, оговорок, феноменов забывания и сновидения);

Интерференция дискурсов авангарда и психоанализа оказалась продуктивным источником ярких открытий в области массовой культуры XX века (например, в феноменах рекламы или PR-технологий). К сожалению, и этот интереснейший аспект редко становится предметом исследовательского рассмотрения в современной гуманитарной науке. Поэтому в качестве прикладной задачи исследования мы намечаем:

5) анализ влияния авангардной *поэтики деструктивности* на дискурсивные практики в сфере современных интегрированных коммуникаций (СМИ, реклама, связи с общественностью, политтехнологии). Это позволит нам сформировать инновационную модель перформативного словесного творчества в дискурсе современных интегрированных коммуникаций, что, безусловно, актуализирует ещё в большей степени избранную в нашей работе проблематику.

Методологические основания исследования

Для решения поставленных в работе задач мы используем метод сравнительно-типологического изучения литературного процесса

и методы исторической поэтики, привлекая также в ходе исследования герменевтический метод и методологическую стратегию деконструкции текста, сочетающиеся с психоаналитическими приёмами и практикой дискурсивного анализа.

Сравнительно-типологический метод необходим для проведения анализа на уровне фундаментальных структур в рамках типологии авангардного слова.

Методы исторической поэтики используются для концептуализации принципов преемственности в дискурсе русского литературного авангарда.

Использование *герменевтического метода* исследования обусловлено логикой научного анализа, в котором толкование парадоксальных литературных текстов русских авангардистов эксплицирует их иррациональную природу.

И, наконец, *методологическая стратегия деконструкции* текста вкуче с избирательно используемыми психоаналитическими приёмами и практикой дискурсивного анализа позволяют существенно расширить сферу современных представлений об историко-литературном и социокультурном контекстах развития русского авангарда. *Дискурсивный анализ* необходим ещё и потому, что любой текст в авангарде понимается не только как манифестация креативной идеи автора, но и как способ трансформации мира посредством новой языковой реальности, т. е. в качестве дискурсивной практики.

Как известно, стратегию «деконструкции» текстов предложил французский философ Жак Деррида (1930—2004) [286]. Основное значение этой стратегии заключается в процессе деструкции текста — разрушении присущего ему логоцентризма — и его одновременного реконструирования, *восстановления* контекста:

Деконструкция не является каким-то методом и не может быть трансформирована в метод. Особенно тогда, когда в этом слове подчеркивается процедурное или техническое значение <...>, — писал Ж. Деррида. — Слово «деконструкция», как и всякое другое, черпает свою значимость лишь в своей записи — в цепочку его возможных субститутов — того, что так спокойно называют «контекстом» [65, с. 56—57].

Одной из методологических задач работы является такое реконструирующее и моделирующее восстановление контекста, объединяющего дискурсы русского литературного авангарда и психоанализа.

В сборнике работ американского учёного-слависта Д. Ранкур-Лаферьера (D. Rancour-Laferriere) «Русская литература и психоанализ» (2004) [183] были сформулированы основные варианты исследовательских парадигм, которые разворачиваются между понятиями «русская литература» и «психоанализ». В рамках *первой* парадигмы в качестве объекта психоаналитического исследования выступает русская литература. Объектом *второй* парадигмы вполне могут быть психоаналитически проинтерпретированные литературно-критические исследования самой русской литературы. *Третья* и *четвёртая* парадигмы переворачивают исследовательские координаты и меняют местами субъекты и объекты двух предыдущих: психоанализ объявляется объектом рецепции в русской литературе и русской литературной критике. «В свою очередь, каждая из этих, хотя и абстрактных, но обладающих предметностью, связей, — отмечает исследователь, — также может быть подробно рассмотрена. Причём a priori не исключена возможность других связей»¹ [183, с. 129].

Д. Ранкур-Лаферьер ссылается на школу так называемых «французских фрейдистов» (S. Felman [289], J. Gallop [294]), которые в попытках избежать односторонних суждений методологически обосновали взаимозаменяемость элементов пары «литература — психоанализ». И, действительно, с методологической точки зрения, такая подвижная, обратимая исследовательская модель оказывается весьма продуктивной. Возникает возможность изучения дискурсивного взаимовлияния литературы и психоанализа. Исследователь не ограничивается анализом контекстов, связанных либо только с одним, либо исключительно с другим аспектом: влиянием психоанализа на литературные стратегии творчества или исследованием самих этих литературных стратегий с психоаналитических позиций.

В настоящей работе русская литература в многосоставном целом не изучается. Мы исследуем невероятно близкий психоаналитическому дискурсу сегмент русской литературы — русский литературный авангард. Эта уникальная близость творческих устремлений авангарда и методологических стратегий психоанализа становится главным объектом изучения. Именно поэтому нами используется методологически подвижная исследовательская модель, в которой русский лите-

¹ Впервые эти парадигмы были сформулированы автором в предисловии к подготовленному им коллективному сборнику исследований, вышедшему в 1989 г. [316].

ратурный авангард и психоанализ ориентированы относительно друг друга в качестве субъекта и объекта — вполне обратимо.

В связи с названным методологическим обстоятельством отчётливо выделяется следующий *оптимальный план работы*, включающий ряд исследовательских парадигм:

1) Концептуальное описание процесса формирования психоаналитического подхода к изучению феноменов культуры, искусства и литературы на Западе и в России.

2) Аналитический обзор вопросов рецепции психоаналитических идей в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века.

Изучение указанных парадигм позволит определить культурное пространство зарождения авангарда и психоанализа и более точно объяснить причины их взаимного тяготения.

3) Вопросы эстетики и поэтики русского литературного авангарда, заострённые на дискуссии вокруг *звуковой* и *образной* составляющих художественного слова и получившие теоретическую рефлексию в рамках знаменитой формальной школы литературоведения (В. Б. Шкловский, Р. О. Jakobson, Л. П. Якубинский и др.), соотносятся нами с психоаналитическим пониманием *имагинативной* и *фонетической* специфики в психоанализе. (Такое понимание, в частности, объединяет взгляды К. Г. Юнга на проблему *звука* и *образа*, сложившиеся в ходе проведения «ассоциативного эксперимента», и теорию парапраксиса — ошибок, оговорок, описок, ошибочных действий — З. Фрейда.) Эти вопросы включаются в отдельную исследовательскую парадигму.

4) Важную исследовательскую парадигму представляет изучение историко-литературных и теоретических контекстов влияния психоаналитических идей на развитие русского авангарда первой трети XX века. Мы анализируем свидетельства вполне осознанной авангардистами рецепции психоаналитического учения и исследуем особенности его влияния на формирование авангардной теории зауми и *поэтики ошибки*. Подробно освещаются малоизвестные факты из истории авангардной группы поэтов-заумников «41°», участники которой — И. М. Зданевич, А. Е. Кручёных, И. Г. Терентьев — были увлечёнными поклонниками учения З. Фрейда.

5) Теоретический дискурс М. М. Бахтина и учёных его круга в 1920-е годы формировался в контексте актуальных проблем литературы и культуры и, конечно, был связан, в том числе, с вопросами фрейдизма (В. Н. Волошинов — участник бахтинских семинаров, автор

фундаментальной критической работы о фрейдизме). В данной парадигме сопоставляются концепция «чужого слова» М. М. Бахтина, его теория диалогизма, принципы построения экспериментальной прозы К. К. Вагинова и современная теория интертекстуальности, возникшая как результат психоаналитической трансформации бахтинских идей в работах французской исследовательницы Ю. Кристевой.

6) В особой исследовательской парадигме должен изучаться процесс изменения семиотической функции образа автора в культуре авангарда в России. Фигура автора в произведениях русских авангардистов постепенно утрачивает художественный авторитет, превращаясь в образ авторской «пародической личности», что крайне интересно с психоаналитической точки зрения. Здесь будут представлены новые возможности исследовательской интерпретации в традициях психоаналитически ориентированного литературоведения. В этой междисциплинарной исследовательской парадигме развивается анализ процессов *диссоциации* экспериментальной художественной («иероглифической») образности в творческой практике авторов авангардной группы «Объединение Реального Искусства» (ОБЭРИУ). Сопоставление концепций диссоциации Р. О. Якобсона и Жака Лакана приводит к неожиданным открытиям в области изучения произведений обэриутов. Исключительный интерес представляет рассмотрение процесса *диссоциации*, происходящего также на уровне авторского сознания в экспериментальных произведениях представителей этой авангардной группы. Обращение к психоаналитическим контекстам творчества Д. И. Хармса, А. И. Введенского, К. К. Вагинова — эвристический поворот в осмыслении теории художественного слова в русском авангардизме. Одновременно такое изучение обогащает исследования в сфере психоаналитически ориентированной патографии литературного творчества.

7) Наконец, нами намечено решение важной прикладной задачи — на основе изучения интерференции авангардного и психоаналитического дискурсов мы разрабатываем *инновационную модель перформативного словесного творчества*. Эта модель предстанет в нашей работе в виде моделирующего глоссария психоаналитической проблематики, связанной с изучением креативного потенциала авангардной эстетики и поэтики в контексте развития современных интегрированных коммуникаций (связи с общественностью, реклама, дизайн, политехнологии). Обращение к психоаналитическим

контекстам — увлекательный разворот в осмыслении данной проблематики. Действительно, в дискурсе современной массовой коммуникации первостепенное значение имеет психоанализ, поскольку психоаналитические методики используются для выявления неосознаваемых форм воздействия на реципиента.

Настоящая монография основана на материалах исследования, проведённого автором в 2012—2013 годах в рамках работы над научным проектом «Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века», поддержанным грантом Президента РФ на 2012—2013 гг. для молодых российских учёных — докторов наук (МД-420.2012.6).

Фрагменты книги публиковались в этот период в различных научных журналах и сборниках в качестве статей. В монографию они включены в расширенном формате, в переработанном и изменённом виде.

Представленное исследование продолжает начатый автором в кандидатской (1998) и докторской (2007) диссертациях литературоведческий проект, связанный с многосторонним изучением русского литературного авангарда. При подготовке монографии использовались также принципиально важные исследовательские результаты наших научных работ «Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда» (СПб.; Иваново, 2007) [256] и «Автор и герой в метаповествовательном дискурсе К. К. Вагинова» (Иваново, 2006) [254], переосмысленные с учётом новой, психоаналитической, проблематики.

Указываем избранную библиографию авторских публикаций:

Шукуров Д. Л. Дискурс М. М. Бахтина и теория интертекстуальности // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. Т. 3. 2012. Вып. 2. С. 105—109.

Шукуров Д. Л. Образы деструкции в психоанализе и в философии В. С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. Вып. 2 (34). 2012. С. 65—80.

Шукуров Д. Л. Диссоциация в структуре «иероглифического» образа обэриутов: психоаналитический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 210—213.

- Шукуров Д. Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина: научный журнал. 2012. № 3. Т. 5. Психология. С. 51—59.
- Шукуров Д. Л. Психоаналитические аспекты изучения истории русской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 213—215.
- Шукуров Д. Л. Концепция «чужого слова» М. М. Бахтина и теория интертекстуальности // Теоретична і дидактична філологія: Збірник наук. праць. Вип. 13. Переяслав-Хмельницький: ФОП Лукашевич, 2012. С. 313—319.
- Шукуров Д. Л. Психоанализ и концептуальные основания русского авангарда // Стих. Проза. Поэтика: Сб. статей в честь 60-летия Ю. Б. Орлицкого. New York: Ailuros Publishing, 2012. С. 582—585.
- Шукуров Д. Л. Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века (основные аспекты исследования) // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. Т. 4. 2013. Вып. 1. С. 54—58.
- Шукуров Д. Л., Красильникова М. Ю., Хабурова В. Н. Авангард, психоанализ и PR-креатив: перформативное творчество в дискурсе интегрированных коммуникаций (опыт составления глоссария) // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 1.4 (37). (Гуманитарные и общественные науки). С. 13—43.
- Шукуров Д. Л. Русский литературный авангард и психоанализ: опыт интерференции дискурсов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). С. 214—216.
- Шукуров Д. Л. Формирование психоаналитического подхода к изучению культуры на Западе и в России // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 2. С. 175—188.
- Шукуров Д. Л. Эрос и Танатос в культурных парадигмах западного и российского психоанализа // Сб. статей XV междунар. конф. «Россия и запад: диалог культур», 21—27 апреля 2012 г. Вып. 17. Центр по изучению взаимодействия культур. М., 2013.
- Шукуров Д. Л. Патография авторской личности в литературном творчестве группы «ОБЭРИУ» // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: Сб. науч. ст.: В 3 ч. Ч. 1 / Гл. ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 38—43.